

Линби провела её в главный дворик мимо горок из камней и садовых посадок, и вывела к крыльцу дома. Подойдя к двери, Линби постучала и доложила, что барышня Вэньцзюнь прибыла.

Чжэнь Вэньцзюнь застыла у подножия ступеней. Едва слышно дыша, она старалась унять волнение, чтобы держаться спокойнее в присутствии Вэй Цзычжо.

Пока Линби стучала, она думала: Чжэнь Вэньцзюнь - участница бродячей труппы, только что ставшая свидетельницей резни. А та благородная госпожа, что взяла её под своё крыло, и есть тот самый убийца. Обычный человек не сможет хладнокровно смотреть убийце в глаза. Настоящая Чжэнь Вэньцзюнь выросла в глуши, а после была взята в приёмную семью, жившую небогато. Девушка, может, и смыслёная, но мира повидала мало и в свои годы вряд ли отличается особой выдержкой.

В прежней жизни, когда она была «А-Лай», она нередко теряла самообладание, и это роднило её с историей Чжэнь Вэньцзюнь. Идеальная почва для маскировки. Главное отличие между ней и настоящей Чжэнь Вэньцзюнь состояло в том, что она уже знала, кто такая Вэй Цзычжо, и была готова.

Значит, настоящая «Чжэнь Вэньцзюнь», скорее всего, проявила бы страх и растерянность.

Из комнаты уже доносились голоса. Услышав доклад Линби, женский голос произнёс:

- Войди.

Говорила Вэй Цзычжо.

Линби отступила в сторону, явно не собираясь заходить следом, и с улыбкой кивнула Чжэнь Вэньцзюнь:

- Прошу, барышня.

Чжэнь Вэньцзюнь переступила порог, лихорадочно прокручивая в голове, как держать себя на ночной проверке Вэй Цзычжо. От этого зависел исход всего замысла. Каждое слово, сказанное сегодня ночью, уже нельзя будет взять назад. Самое трудное в лжи - не солгать, а не забыть. Ложную биографию, придуманную Цинлю, она могла вы зубрить наизусть. Но убить Вэй Цзычжо - не дело одного дня. Если придётся долго быть рядом с ней, рано или поздно найдёт речь о том, чего она не предусмотрела. Нужно помнить всё сказанное до последнего слова - иначе не избежать противоречий.

Вообще-то это было поправимо. На память она не жаловалась. Куда больше тревожили не сами ложные подробности биографии, а те мелочи, которые знали лишь Вэй Цзычжо и настоящая Чжэнь Вэньцзюнь.

Стоит неверно ответить на что-то, сохраненное в глубине чужой памяти, и подозрение неизбежно. А конкретные детали были лишь малой частью возможного разговора. Ещё хуже было то, что тянулось за этими деталями следом: если настоящая Чжэнь Вэньцзюнь с детства только и делала, что читала книги и была хрупкой, ей нельзя выказывать ловкости и силы. Если же Чжэнь Вэньцзюнь занималась боевыми искусствами, то какой школы? Что лучше - удары ногами или кулаками? Или, как А-Сюнь, она привыкла к какому-нибудь особому оружию? Какому? Или же вернее предположить, что она одинаково сильна и в учёбе, и в боевых искусствах, или попросту деревенская девчонка, неграмотная и не обученная никакому бою?

Вот что не давало покоя.

Кроме самой настоящей Чжэнь Вэньцзюнь, местонахождение которой было неизвестно, пожалуй, только Вэй Цзычжо в точности знала ответы на эти вопросы.

Этот замысел с самого начала был схваткой на краю гибели, отчаянной попыткой вырваться из западни, где силы были несопоставимы и не было даже намёка на шанс победить. Ближайшие родные оказались в руках врага, и оставалось лишь стиснуть зубы и выйти на сцену играть заведомо неудачную пьесу.

Чжэнь Вэньцзюнь была готова. Она глубоко вдохнула и толкнула дверь судьбы.

За дверью была Вэй Цзычжо.

Вэй Цзычжо по-прежнему сидела в четырёхколёсном кресле, на ней был надет чуть более светлый простой и длинный халат, а на плечах лежала накидка из соболиного меха. Все украшения с волос она сняла, и длинные чёрные волосы были скромно, но аккуратно стянуты чёрным шнурком чуть выше затылка. Казалось, она смыла краску с лица, однако его цвет оставался свежим и красивым. Либо же её мастерство в искусстве макияжа было столь высоко, что невозможно было понять: покрашена она или просто от природы наделена такой яркой, запоминающейся внешностью.

Когда она взглянула в сторону Чжэнь Вэньцзюнь, глаза её были ясными и сосредоточенными - так смотрят на что-то, что ценят. Под глазами залегли лёгкие персиково-красные тени, измученный, почти болезненный вид - она, похоже, держала себя в бодрости усилием воли. На столе рядом громоздились листы шёлковой бумаги и свитки, масляная лампа горела очень ярко.

За её спиной стояла служанка с грубым, мясистым лицом. Она настороженно уставилась на вошедшую, её раненные руки уже были перевязаны.

Справа от Вэй Цзычжо сидела ещё одна женщина, нарядом своим составлявшая полную противоположность хозяйке. На ней было свободное, открывавшее плечи ярко-алое длинное платье с живым узором «сотня птиц». Услышав, как открылась дверь, она быстро обернулась, и при виде Чжэнь Вэньцзюнь её выразительные персиковые глаза сощурились в улыбке. Кто это мог быть, кроме молодого господина Ляо? Молодой господин Ляо в женском платье выглядела ещё более пленительно: губы, как лепестки цветка, омытые утренней росой, были неотразимо хороши. Прекрасное лицо одинаково украшало и мужской, и женский наряд.

Чжэнь Вэньцзюнь шагнула вперёд и опустилась на колени:

- Эта ничтожная служанка приветствует госпожу.

Вэй Цзычжо произнесла:

- Мы с А-Ляо только что обсуждали ваше дело. Сяохуа.

После этого обращения - «Сяохуа» - служанка за её спиной взялась за кресло и подкатила его ближе к Чжэнь Вэньцзюнь. Вэй Цзычжо взяла её за руку и помогла подняться:

- Ты - моя благодетельница, незачем больше падать передо мной на колени и называть себя служанкой. И также не называй меня «госпожой». В конце концов, ты для меня и есть гуй жэнь - человек, принёсший мне удачу. Запомни: моя фамилия Вэй, имя Тинсуй, а моё

вежливое имя Цзычжо. Если не ошибаюсь, я на два года старше тебя. Тебе в этом году пятнадцать?

Неизвестно, знала ли настоящая Чжэнь Вэньцзюнь её имя, возможно, его намеренно скрывали, чтобы не выдать принадлежность к семье Вэй, и её в известность не поставили. Поэтому она ответила лишь на последний вопрос, в котором была уверена:

- Да, пятнадцать.

Перед ответом она неопределённо кивнула, давая понять, что имя дошло до неё.

Как и следовало ожидать, Вэй Цзычжо не нашла, к чему придраться.

Ответив, Чжэнь Вэньцзюнь невольно скосила взгляд на «Сяохуа»: женщину широкого, крепкого телосложения с большими, округлыми плечами. Если бы не лёгкие очертания под одеждой и женская причёска, трудно было бы поверить, что этот крепкий силуэт принадлежит женщине. По маленьким, глубоко посаженным глазам и слегка желтоватым волосам угадывалась хуская кровь. Она удивилась, что у такой крепкой женщины такое нежное имя...

Вэй Цзычжо улыбнулась и продолжила:

- Для своих моё имя Вэй Цзычжо. «Цзычжо» - мужское имя, используемое, чтобы запутать нашего врага. Отныне ты можешь звать меня Тинсуй, как А-Ляо. Запомнишь?

Чжэнь Вэньцзюнь не ожидала такой откровенности: та не только назвала своё настоящее имя, но и объяснила, зачем пользуется вторым. Неужели благодетельница - единственная, перед кем она совершенно не остерегается? Трудно сказать. Одно она могла утверждать с уверенностью: «старые враги» - это и есть Цинлю.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила, с чуть смущённым видом:

- Запомню, Тинсуй.

- Пятнадцать лет - пятнадцать лет поистине лучшая пора. - А-Ляо с чувством вздохнула, рассеянно помахивая перьевым веером. Чжэнь Вэньцзюнь уловила знакомый запах дерева лунъянь. - Интересно, какой красавицей была Юэнян в свои пятнадцать? Жаль теперь она в жёлтой земле, её весеннее, как молодая сосна, тело объедают черви и муравьи. Скоро от неё останется лишь горстка белых костей. «Пламя трещит и поют осенние насекомые. Иней опускается и вянет трава. Пришла осенняя пора, и время ушло. Думаю о любимой и сердце полно печали». Эту «Песнь о любви» мне больше никто не споёт. Какая жалость, право слово, какая жалость...

А-Ляо оплакивала Юэнян, и Чжэнь Вэньцзюнь никак не могла понять её чувств. Если та в самом деле была ей дорога, почему она молча наблюдала, как её убивают?

А-Ляо повернулась к Чжэнь Вэньцзюнь, и следующие её слова быстро расставили всё по местам:

- Хорошо, что у меня ещё есть сестрица Вэньцзюнь. Не появись Тинсуй вовремя, я бы уже забрала сестрицу Вэньцзюнь к себе в шатёр. Чем бы ты тогда расплатилась со мной за то, что я спасла тебе жизнь?

Чжэнь Вэньцзюнь мысленно выругалась: «Бесстыдница!» - и натянула стыдливую улыбку.

Вэй Тинсюй произнесла:

- Тогда мне бы не оставалось ничего, кроме как сжечь весь порошок гибискуса в твоём дворе.

Лицо А-Ляо мигом изменилось. Она принялась торопливо махать рукой:

- Шутка, шутка. О сжигании порошка гибискуса не может быть и речи. Красавицы и порошок гибискуса - это моя жизнь.

Порошок гибискуса? Чжэнь Вэньцзюнь внутренне встрепелась - что-то промелькнуло в памяти, но откуда берётся это название, она сейчас так и не смогла вспомнить.

А-Ляо в мужском облике вовсе не была похожа на подчинённую Вэй Тинсюй, скорее на близкую напарницу. Они говорили между собой совершенно свободно.

А-Ляо в мужском наряде держалась с безоглядной лихостью. Они с Вэй Тинсюй прибегали ко множеству уловок, скрывая свои подлинные личности, и перьевой веер тому свидетельство. Даже сейчас Чжэнь Вэньцзюнь не была уверена, кому из них на самом деле принадлежит этот веер. За все эти годы двое провели бесчисленное множество обманных манёвров, водя за нос фракцию Цинлю и всех прочих. Смешно: Цинлю так и не смогла разобраться, мужчина Вэй Цзычжо или женщина, мало того, само имя «Вэй Цзычжо» было нарочно подброшено им в качестве приманки.

Её называли спасительницей Вэй Тинсюй, но только что услышанный разговор с А-Ляо показал: она, подобно порошку гибискуса, была всего лишь вещью, пусть и более ценной. Люди таких влиятельных семей никогда не задумываются о тех, кто не входит в круг их собственных интересов. Высокомерие, и ничего больше.

Увидев, что Чжэнь Вэньцзюнь опустила голову и молчит, Вэй Тинсюй обернулась к А-Ляо:

- Говорят, Вэньцзюнь хорошо ладила с Юэнян. Разве не больно ей это слышать?

А-Ляо с ехидцей в голосе откликнулась:

- Ай-яй-яй, только нашла и уже ограждаешь. Ладно-ладно, понимаю: ты день и ночь думаешь о своей спасительнице, так что не буду мозолить глаза и мешать. Наслаждайтесь вашей чудесной ночью вдвоём.

Говоря это, она встала и наклонилась к самому лицу Чжэнь Вэньцзюнь, будто принюхиваясь к её аромату:

- Как же хороша, как же душиста. Я берегу всех красавиц на свете, но поскольку мы с Тинсюй друзья - не разлей вода, то всякой красавице, задумавшей ей навредить, от меня пощады не будет. Не бойся, сестрица Вэньцзюнь. Раз ты спасительница Тинсюй, значит, ты и мне как сестра, и я буду беречь тебя. Не сторонись меня из страха. Если станет скучно с Тинсюй, приходи ко мне в Хуалоу: там есть изысканное вино, прекрасная музыка, красивые женщины и привлекательные мужчины. Уж я позабочусь о тебе как следует.

В словах звучало предупреждение, но взгляд был вольный, скользкий - от лица Чжэнь Вэньцзюнь к её груди. Она прошла по ней с головы до ног и нехотя двинулась к выходу.

Сяохуа не пошла провожать А-Ляо, а закрыла дверь и вернулась к Вэй Тинсюй.

Чжэнь Вэньцзюнь заметила: дверь закрыли.

Увидев, что Чжэнь Вэньцзюнь зарделась, Вэй Тинсюй мягко сказала:

- Не пугайся А-Ляо, она всегда такая. Она привыкла к непокорности, и её семья редко её наказывает. В Таоцзюне она натворила немало непристойного. Она тебя не обидела?

Чжэнь Вэньцзюнь покачала головой:

- Молодой господин Ляо... нет, госпожа А-Ляо - поистине живой и весёлый человек. Меня ведь приёмный отец продал, чтобы заменить мной сестрицу Юэнян, а теперь... я благодарна вам, сестрица Тинсюй... за то, что спасли меня...

На полуслове Чжэнь Вэньцзюнь вдруг заметила, что выражение лица Вэй Тинсюй застыло - всё, кроме глаз, которые неподвижно смотрели на неё. Словно она наконец нашла ту самую брешь в броне добычи, которую давно поджидала, и теперь смаковала момент, прикидывая, с какого места начать терзать добычу, чтобы это доставило наибольшее удовольствие.

Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно замерла, не решаясь произнести ни слова.

Неужели я что-то сказала не так?

Мысли вспыхивали молниями, пока она лихорадочно перебирала в памяти весь разговор. Каждое её слово было правдой - при желании Вэй Тинсюй легко проверит это. Почему же это вызвало подозрение? Она была так осторожна. Где она оступилась?

Вэй Тинсюй подняла руку, и Сяохуа вложила ей в ладонь кинжал. Та держала его перед собой острием вверх, молча рассматривая и выбирая, где лезвие наиболее остро.

Ноги у Чжэнь Вэньцзюнь задрожали. Она не смела даже моргнуть, боясь, что в одно это мгновение кинжал окажется у неё в груди.

<http://bllate.org/book/17227/1616940>